

ДВА ВЕКА ЖЕНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ И ЕГО СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Н. Л. Пушкарева^a, И. М. Пушкарева^b

^a Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая,
Российская академия наук, г. Москва, Россия, pushkarev@mail.ru

^b Институт российской истории, Российская академия наук, г. Москва, Россия

Свыше двух веков истории женского движения в стране представлены как история сложной акцепции Россией социальных и интеллектуальных достижений Западной Европы, их переосмысления и перетолковывания, приспособления к нуждам женской части населения огромной страны. Авторы настаивают на значимости политики решения «женского вопроса» в годы Советской власти, предостерегают от недооценки достижений и дают краткую характеристику истории женского движения в стране после коллапса СССР и социалистической системы. Причины слабого влияния современного женского движения на государственную политику обнаружены именно в культурно-исторической традиции и отсутствии практик представительства разных общественных групп, слоев и интересов в структурах управления страной.

Ключевые слова: женское движение, женские организации, Россия, феминизм, марксизм, история женщин.

TWO CENTURIES OF WOMEN'S MOVEMENT IN RUSSIA AND ITS CURRENT STATE

N. L. Pushkareva^a, I. M. Pushkareva^b

^a N. N. Mikluho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, pushkarev@mail.ru

^b Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Over two centuries of the Russian women's movement history are presented as the history of complex acceptance of Western Europe's social and intellectual achievements, their integration and reinterpretation, as well as adaptation to the needs of the female population of the vast country. The authors insist on the importance of the "women's issue" solving policy during the years of Soviet power, warn against underestimating the achievements and give a brief description of the history of the women's movement in the country after the collapse of the USSR

and the socialist system. The reasons for the weak influence of the modern women's movement on state policy are found precisely in the cultural and historical tradition and the lack of practices of representing different social groups, strata and interests in the structures of government.

Key words: women's movement, women's organizations, Russia, feminism, Marxism, women's history.

XIX век был поворотным в мировой женской истории, поскольку породил «великое предприятие феминизма» [Фрассе, Перро, 2015: 423] — одно из важнейших общественных движений. Его целью было освобождение (эмансипация) от зависимости, неравноправия и асимметрий в распределении социальных прав, возможностей и обязанностей женщин.

Россия к началу XIX в. была территориально самой большой в мире, многонациональной и уже не унитарной (после 1815 г.) в административном отношении страной. Она мыслила себя как европейская держава, но оставалась слабоурбанизированной, крестьянской. Свыше 90 % ее населения проживало вне городов и было неграмотно. Ввиду сказанного у российского женского движения не было перспективы быстро стать массовым. Созданное обеспеченными и просвещенными общественными деятельницами середины XIX столетия, оно затронуло поначалу узкий, элитарный слой образованных горожанок и с трудом находило социальную поддержку, причем лишь в самых крупных городах. Социально-политические, экономико-правовые и культурно-исторические паттерны, обусловившие историю массовых общественных движений в России, заставляют размышлять об истории женского движения в ней как об истории, испытывавшей постоянное влияние Запада — и в то же время самостоятельной и по-своему уникальной.

В истории западного и российского женских движений было немало *общего*. У их истоков стояли обеспеченные жительницы крупных городов, представительницы «образованного общества», жертвовавшие средства на женские общественные нужды [Юкина, 2001], что меняло социальный состав участниц от зажиточных до беднеющих и бедных. Как и в Европе, в первые женские объединения, созданные зрелыми женщинами, вступала молодежь, мечтавшая избавиться от «ига семьи» и стать самостоятельной. Добиваясь признания за женщинами гражданских прав, первые русские активистки видели пути их обретения в доступе к высшему образованию и свободному выбору профессии.

Но *различий* с западноевропейским женским движением у российского было больше, чем общего. Имущественное положение россиянок было сравнительно прочным, процедура развода известна издревле, что помогло в XIX в. защите женских интересов в дискуссии об «адских мучениях немилого брака», получению права на гражданский союз и раздельное проживание с супругом [Семидеркин, 1982]. Россиянки в деревнях больше страдали не от отсутствия прав, а от незнания о них, обобщенных в «Полном своде законов Российской империи», и неумения ими пользоваться.

Женщины в России не имели многовекового опыта коллективных действий [Хасбулатова, Правкина, 1997: 14], как и навыков представления своих интересов в публичном пространстве (в Европе женщины участвовали в еретических и протестантском движениях, в создании клубов и салонов XVII в.,

в первых буржуазных и в Великой французской революциях). Влияние женского движения на власть в России было слабым, верхушечным. Движение затрагивало узкий слой горожанок; деревня ни о каком феминизме и не слыхивала.

Если западные феминистки стремились отделиться от мужской иерархической системы и создать свою, свободную от иерархий и авторитаризма, то русские деятельницы не противопоставляли себя мужчинам и полагали необходимым использовать в своих целях общественные структуры и движения, созданные мужьями, братьями, друзьями, в которых видели своих лидеров. В первую женскую организацию («Общество доставления дешевых квартир и других пособий нуждающимся жителям Санкт-Петербурга») входили в числе 300 членов несколько мужчин (Н. И. Ламанский, Н. С. Алеников, Н. И. Шамшин, А. А. Сабуров) [Философова, 1873; Дмитриевский, 1910], да и позже активистки утверждали, что «интеллигентная русская женщина ни в какой форме не желает обособления» [Шахматова, 1912: 13], используя в начале XX в. сочувствовавших идеям эмансипации государственных деятелей в качестве лоббистов женских интересов в органах власти.

После публикации романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?» в России началось создание женских трудовых коммун, подтвердившее, что в этой стране мужчина-литератор может дать ответ на женский вопрос [Паперно, 1996: 115]. Литература позволила сформироваться и вырваться на русской почве отношению к женщине как к «другу по общему делу». Такой взгляд на отношения полов был в известной степени выпестован и православной церковной книжностью, воспитавшей в русских женщинах культ преданности и самоотдачи. Социально значимые поступки женщин из века в век рассматривались как проявления женской жертвенности, а сходные поступки мужчин квалифицировались как доблестное, геройское [Пушкарева, 1998: 8].

Если в Германии и Франции благотворительные организации обучали женщин тому, как им стать лучшими матерями, женами, домохозяйками [Lindenmeyr, 1993: 578], то в России благотворительницы относились к женщинам как к самостоятельным труженицам. «Целесообразнейшая, единственно рациональная форма благотворительности должна состоять в предоставлении нуждающимся оплачиваемого труда, а не в даровой помощи», — утверждал созданный в 1900 г. журнал «Женское дело». Эмансипация трактовалась в России как профессиональная самореализация, принося благотворительницам опыт лидерства и повышения самооценки. Девиз «Помощь трудом!», начертанный на «Доме трудолюбия для образованных женщин» в Петербурге (1896) мог бы стать девизом всего женского движения в стране.

Меньшее значение (в сравнении с европейскими дискуссиями) придавалось российскими деятельницами женского движения и вопросам телесности и сексуальности, поскольку в самой русской истории почитание женственности не имело тех корней, которые можно обнаружить в средневековой европейской культуре с ее культом Прекрасной Дамы. Почитание женщины как воплощения женственности русские активистки именовали «духовным гетто» (А. В. Тыркова), «шелковыми силками» (М. Н. Покровская), которые удерживали женщин на привычных социальных ролях соблазнительницы, жены, домохозяйки. Эмансипация прочитывалась в России как освобождение от этих

стереотипов. К 1910-м гг. Россия опередила другие европейские страны по качеству и разнообразию профессий, доступных женщинам [Stites, 1978: 87].

Стремительное включение жительниц крупных городов начала XX в. в общественную жизнь позволило создать целое созвездие женских политических организаций — Союз равноправности женщин (1905), Женский политический клуб (1906), Женскую прогрессивную партию (1906), Российскую лигу равноправия женщин (1907), Петербургский женский клуб (1908), Общество охранения прав женщин (1910). Благодаря их активности в России с 1900 г. регулярно выходил политический журнал «Женское дело», а с 1904 г. знаменитый «Женский вестник», просуществовавший до запрета большевиками (1918) более 14 лет. Именно им (а вовсе не социал-демократам, не большевикам) женщины России могут быть благодарны за предоставление права участвовать в выборах без различия пола. Защитницы женских прав («равноправки») в буквальном смысле вырвали его у Временного правительства 20 июня 1917 г. — благодаря своей целеустремленности, разнообразию технологий взаимодействия с различными субъектами государственного управления, активной общественной деятельности [Хасбулатова, 2017].

Самая яркая отличительная черта русского феминизма — его связь с революционно-демократическим движением: в 1870-х гг. почти 20 женщин вошли в состав народнической «Земли и воли», немало женских имен можно найти в списках членов анархистских организаций. Но при всем влиянии леворадикальных идей на общественные движения в России ни о каком союзе (как выражаются западные феминистки, «браке марксизма с феминизмом») в России речи не было. В российском женском движении на рубеже XIX—XX вв. сформировались две ветви: *либеральная*, находившая поддержку образованной части дворянок, предпринимательниц, женщин из средних городских слоев, и *социал-демократическая*, испытывавшая в той или иной мере влияние социалистических, марксистских идей [Хасбулатова, Гафизова, 2003].

Либеральные деятельницы, сторонницы *феминизма различий*, ставили во главу угла индивидуальные женские интересы, обеспечение права на образование, профессию, на участие в общественной жизни через легальные способы оказания на нее влияния (участие в выборах, право быть избранными). Они именно в этом видели свой вклад «в женское движение для всех».

Для социал-демократической же ветви российского женского движения, которая была слабее либеральной (если говорить о защите артикулированно женских интересов), важным было не индивидуальное право гражданки, а создание общества, справедливого для всех. Эти защитницы женских прав отводили значимую роль государству и обобществлению домашнего труда (ясли, детсады, столовые, служба быта, проживание коммунарами). Сторонницы *феминизма равенства* настаивали на том, чтобы люди разного пола имели равный статус и их вклад в жизнь общества оценивался равным образом. Российские социал-демократы не спешили выделять «женский вопрос» в самостоятельное социально значимое направление политической агитации, не помогали женщинам вырабатывать гендерное самосознание. Работницы российских предприятий, сталкиваясь с обыденностью насилия, видели его исходящим не просто от мужчин,

но от администрации фабрик — и обретали скорее социальное, нежели гендерное самосознание [Пушкарева И., Пушкарева Н., 2020].

Участие российских работниц в освободительном движении на рубеже XIX—XX вв. было sporadическим, стихийным, носило случайный, временный характер и не сложилось в «пролетарскую ветвь» женского движения. Сторонницы феминизма равенства не нашли общего языка со сторонницами феминизма различий. Понятно, что это ничуть не умаляет значимости «женского фермента» (К. Маркс) для протестного освободительного движения в стране в целом, но в известном смысле объясняет, почему короткая история прежних женских групп, союзов, клубов была прервана вместе с приходом к власти большевиков. Новая власть предоставила женщинам формальную полноту гражданских прав и свобод, уравнив их с мужчинами перед лицом закона. По логике преобразователей страны, это и обеспечивало реальное социальное равенство женщин, давая основание забыть про феминизм различий и покончить с независимым женским движением, запретив все небольшевистские объединения, группы, издания.

История российского женского движения как части движения, оппозиционного власти, была прервана почти на полвека, однако если под женским движением иметь в виду всю совокупность женских организаций с фиксированным и нефиксированным членством, действовавших для обеспечения гендерного равноправия в различных социальных сферах, удовлетворения политических и социальных интересов, профессиональной и духовной самореализации, защиты семьи, материнства и детства [Хасбулатова, 2019], то никакого разрыва не было. Российское женское движение изменило свою социальную базу и организационные формы, перестало быть независимым, оказалось тесно связанным с государственной политикой. Советская власть реализовывала собственный проект эмансипации, лишенный чуткости к запросам самих женщин и нацеленный на политическую и экономическую мобилизацию женской части населения на строительство нового общества.

Специальные отделы по работе среди женщин при Центральном и местных комитетах РКП(б)/ВКП(б) — так называемые женотделы (число делегатов в которые превысило к концу 1920-х гг. 600 тыс. человек), создаваемые с 1919 г. с целью вовлечения женщин в коммунистическое строительство, неоднозначно воспринимались и самими женщинами, и частью идеологов. Жительницы некрупных городов, отдаленных от столиц регионов пытались протестовать против политики женотделов, полагая, что она разрушает семьи, провоцирует бездушное разделение родителей и детей (настаивая на использовании яслей, детсадов), учит воинствующему атеизму [Дубинина, 1981].

Руководители страны тоже опасались женотделов, возникших по настоянию женщин — членов партийной верхушки (во главе с И. Арманд), видя в них «создание некоторой почвы для феминистических уклонов», которые могут привести к «отрыву женской части трудящихся от общеклассовой борьбы» [Двенадцатый съезд РКП(б), 1968: 724]. В 1930 г. женотделы перестали существовать, их сменили женсекторы Отдела агитации и массовых кампаний при ЦК КПСС, с 1934 г. превратившиеся в делегатские собрания по отраслям профессиональной занятости [Stravakis, 1961], имевшие весьма условный доступ к властным рычагам. Как и женсоветы, делегатские собрания страдали не столько

от нехватки персонала и финансирования, сколько от отсутствия ясных целей и непонимания границ своих прав, нехватки опыта работы с рядовыми членами своих собраний.

И все же, пусть и созданная «сверху», это была одна из форм женского движения, привлечения широких женских масс к преобразованию быта. Трудовые коллективы на собраниях выбирали своих представительниц сроком на один год, давая им наказы. Представительницы объединялись в группы, именуемые «собрания» (работниц, батрачек, кустарок и др.) или «клубы» (клуб «Красная юрта» в Средней Азии), формально осуществляя демократическое представительство.

Складывавшейся тоталитарной системе мешал глубокий демократизм советского женского движения, он не соответствовал строгой вертикальной системе подчинения воле вождя. Именно после нового закрытия всех женских организаций получил распространение миф о решении «женского вопроса» в СССР и вместо демократических, возникавших снизу женсоветов возникла система назначаемых политотделами женорганизаторов (это были оплачиваемые должности в аппарате) [Харитоновна, 2007].

Однако опыт женсоветов, женсекторов, делегатских собраний стал мощной школой внесемейной общественной активности советских женщин. Опираясь на нее, спустя неполных десять лет — 7 сентября 1941 г. — на I Всесоюзном антифашистском митинге, проходившем в Москве, был создан Антифашистский комитет советских женщин, переименованный после Второй мировой войны в Комитет советских женщин.

С послевоенного времени женское движение в СССР может быть представлено двумя слоями (потоками). Комитет советских женщин был призван являть миру и зарубежным деятельницам женского движения глянцевою картину достижений и доказательства решенности «женского вопроса» в СССР. Вся деятельность его членов (имена которых не были известны почти никому из рядовых гражданок СССР) была нацелена вовне: на установление контактов с женскими организациями разных стран, борьбу за мир, демонстрацию солидарности с борцами за улучшение положения женщин и счастье детей в других странах, на пропагандистскую работу за рубежом [Курсковская, 1981; Галкина, 2013]. Между тем о несоответствии заявлений о решенности «женского вопроса» и реального положения женщин в стране говорить в самом СССР решались лишь диссидентки. Созданная ими на рубеже 1970—1980-х гг. первая феминистская группа, начавшая издавать женский политический журнал «Мария», была нацелена именно на опровержение тезиса о достижениях страны в плане обеспечения реальной (а не формальной) эмансипации, обнажала неудовлетворенность женщин своим «неравным равенством» и потребность в самозащите прав и интересов в обстановке экономической стагнации [Алексеева, 1984; Чуйкина, 1996].

В начале 1990-х гг., вместе с коллапсом СССР, распадом социалистической системы и обесцениванием завоеваний социализма (который дал женщинам немало: свободный доступ в университеты и сферу науки, к мужским профессиям, доступность детсадов, яслей, бесплатность школьного обучения детей, стремление к полному равенству в зарплатах на одной и той же должности и др.), в России, обновленной перестройкой, ожило и возродилось независимое женское либеральное движение. Как и за 100 лет до того, оно охватило, как это

было в XIX в., образованную часть российских горожанок [Мельникова, 1999]. Опять же, как и в XIX в., это возрождение развернулось под влиянием западноевропейской и, в особенности, американской интеллектуальной мысли — феминисток, заявивших себя лидерами феминистского движения в мире и призвавших перестать критиковать капитализм как источник гендерного неравенства. Вместо капитализма главным врагом ими был объявлен *патриархат*.

С начала 1990-х и на протяжении более 15 лет женское движение в обновленной России оказывало влияние на государственную политику, позволив заново поставить и сам «женский вопрос», и сформировать думскую фракцию «Женщины России», и создать целый консорциум возникших на основании низовой инициативы женских организаций (их было свыше 1000, в том числе и общероссийские) [Женские неправительственные организации... , 1998; Лахова, 1998]. Однако, как и в начале XX в., когда «равноправки» пытались создать общероссийскую женскую организацию, единства взглядов у деятельниц независимого женского движения в постсоветской России не обнаружилось. Не было общей идеи, объединяющей женщин всех регионов страны и всех социальных слоев [Великая, Овчарова, 2019]. Как и ранее, в стране отсутствовала устойчивая традиция женского представительства от разных социальных групп и вообще представительства всего спектра общественных интересов в сфере управления. Российская партийно-управленческая система никогда к такой представленности не стремилась и не ставила задач реальной инклюзии. Даже объединяясь в женские группы, клубы или союзы, россиянки (в силу общей неподготовленности и пробелов в образовании) не вполне понимали основы работы демократических структур, задействованных в принятии решений, деятельности ветвей власти, а также механизмов законотворчества. Основные надежды в знаменитые «гендерные 90-е» возлагались на финансовую поддержку со стороны крупных западноевропейских грантодателей [Кон и др., 2000; Жеребкина, 2003]. Вследствие этого эффективное участие женщин в партийной жизни (построенной в нашей стране к тому же в сильной зависимости от сложившихся традиций) оставалось редким, как и получение опыта и квалификации, необходимых для выполнения руководящих функций в партии или в высшем аппарате управления страной.

Не подпитываемое финансово зарубежными фондами и мировой женской солидарностью, независимое либеральное женское движение в России, по сути, захлебнулось в начале 2000-х гг., уступив место тем организациям, которые продвигали не либеральные идеи в их западноевропейском и американском прочтении, но идеи, созвучные государственным интересам Российской державы. Это доказал Второй всероссийский женский съезд 2008 г., созданный через 100 лет после первого (1908 г.) и явивший серьезное идейное размежевание его участниц [Воронина, 2008; Гапова, 2009].

В последние полтора десятилетия женское движение в стране остается малозаметной политической силой, хотя отдельные акции вызывают подчас живой отклик в обществе. Вместо финансовой подпитки западных фондов и программ женские НКО получили возможность участвовать в ежегодных конкурсах президентских и региональных грантов, поддерживающих различные женские организации. Благодаря таким общим усилиям власти и женских НКО решаются текущие вопросы в регионах, в том числе направленные на укрепление семейных

связей и отношений. Однако многие критические действия, на которые женщин подвигают отдельные активистки либерального толка (в том числе протестуя против декриминализации домашнего насилия, запретов на усыновление детей иностранцами, а также поддерживаемой отдельными религиями практики калечащих операций на женском теле), часто встречают непонимание то властей, то глав разных конфессий, то сторонников сохранения устоев и духовных скреп, побуждая к алармистским призывам и обращению к зарубежному общественному мнению. Неопатриархат и попытка найти устойчивость через обращение к традиционализму, устоям — черта текущего момента не только в России, но и во множестве европейских стран [Гутерриш, 2020]. Повышение статуса женщин в российском обществе, нелинейный характер изменений на этом пути отражают сложную и противоречивую историю взаимоотношений женской части населения страны и тех, кто считает себя идеологами «женского вопроса».

Библиографический список

- Алексеева Л.* История инакомыслия в СССР. Новейший период. Benson (VT): Khronika Press, 1984. 427 с.
- Великая Н. М., Овчарова О. Г.* Феминизм в информационном пространстве современной России: парадоксы гендерного дискурса // Гендерные отношения в современном мире: управление, экономика, социальная политика / отв. ред. О. А. Хасбулатова. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2019. С. 25—32.
- Воронина О. А.* Съезд всех съест // Гендерные исследования. 2008. № 18. С. 349—356.
- Галкина Г. Н.* Комитет советских женщин: страницы истории (1941—1992). М.: Изд. дом Тончу, 2013. 663 с.
- Гапова Е. И.* Итоги съезда: еще раз о классовом вопросе постсоветского феминизма // Журнал исследований социальной политики. 2009. Т. 7, № 4. С. 465—484.
- Гутерриш А.* Гендерный дисбаланс во властных полномочиях // Независимая газета. 2020. 2 марта.
- Двенадцатый съезд РКП(б), 17—25 апреля 1923 года: стенографический отчет. М.: Политиздат, 1968. 903 с.
- Дмитриевский И. Д.* Пятидесятилетие высочайше утвержденного Общества доставления дешевых квартир, 1859—1909. СПб., 1910.
- Дубинина Н. И.* Победа Великого Октября и первые мероприятия партии в решении женского вопроса // Опыт КПСС в решении женского вопроса. М.: Мысль, 1981. С. 14—34.
- Женские неправительственные организации России и СНГ: справочник. М.: Эслан, 1998. 365 с.
- Жеребкина И. А.* Гендерные 90-е, или Фаллоса не существует. СПб.: Алетейя, 2003. 252 с.
- Кон И. С., Жеребкина И. А., Пушкарева Н. Л., Темкина А. А., Крипс Г.* Проблемы и перспективы развития гендерных исследований в бывшем СССР // Гендерные исследования. 2000. № 5. С. 8—43.
- Курсовская Е. И.* Комитет советских женщин. М.: Новости, 1981. 34 с.
- Лахова Е. Ф.* Женское движение в годы реформ: проблемы и перспективы. М.: Информатик, 1998. 78 с.
- Мельникова Т. А.* Женское движение России в политических процессах современного общества. М.: СИМС, 1999. 186 с.

- Паперно И. Николай Чернышевский — человек эпохи реализма. М.: Новое лит. обозрение, 1996. 208 с.
- Пушкарева И. М., Пушкарева Н. Л. Становление женского политического движения в России (1891—1914 гг.) // *Женщина в российском обществе*. 2020. № 2. С. 114—128.
- Пушкарева Н. Л. Ценностные ориентации русских в доиндустриальную эпоху: (на примере образа идеальной супруги) // *Женщины и общество: вопросы теории, методологии и социальных исследований*. Ижевск: Ижев. гос. ун-т, 1998. С. 3—8.
- Семидеркин Н. А. Введение гражданского брака в России // *Вестник Московского государственного университета*. Сер. 11, Право. 1982. № 1. С. 3—7.
- Философова А. П. Заявление председательницы «Общества дешевых квартир». СПб., 1873. 2 с.
- Фрассе Ж., Перро М. Великое предприятие феминизма // *История женщин на Западе*. СПб.: Алетейя, 2015. Т. 4: Возникновение феминизма / науч. ред. перевода Н. Л. Пушкарева. С. 423—425.
- Харитоновна С. Б. Создание специального аппарата для работы среди женского населения в 1920—1930-е годы: (региональный опыт) // *Вестник Чувашского университета*. 2007. № 3. С. 70—79.
- Хасбулатова О. А. Женское движение в России как фактор социального прогресса (1900—1917 гг.) // *Женщина в российском обществе*. 2017. № 2. С. 5—14.
- Хасбулатова О. А. Женское движение в современной России // *Женщина в российском обществе*. 2019. № 3. С. 14—26.
- Хасбулатова О. А., Гафизова Н. Б. Женское движение в России (вторая половина XIX — начало XX в.). Иваново: Иван. гос. ун-т, 2003. 256 с.
- Хасбулатова О. А., Правкина И. А. Традиции женского движения в России: история и современность // *Женщина в российском обществе*. 1997. № 1. С. 14—22.
- Чуйкина С. Участие женщин в диссидентском движении (1956—1986) // *Гендерное измерение социальной и политической активности (1956—1986)* // *Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный период / Центр независимых социологических исследований*. СПб.: [б. и.], 1996. С. 61—81.
- Шахматова Н. А. Что такое феминизм?: реферат, читанный 17 марта 1912 года в Московском отделении Российской лиги равноправия женщин. М., 1912. 24 с.
- Юкина И. И. «Новые женщины»: мотивы участия в женском движении // *Российские женщины и европейская культура / отв. ред. Г. А. Тишкин*. СПб.: Санкт-Петербург. филос. о-во, 2001. С. 118—126.
- Lindenmeyr A. Public life, private virtues: women in Russian Charity, 1762—1914 // *Signs*. 1993. Spring. P. 562—592.
- Stites R. Women's Liberation's Movement in Russia: Feminism, Nihilism and Bolshevism, 1860—1930. Princeton: Princeton University Press, 1978. 464 p.
- Stravakis B. Women and the Communist Party in the Soviet Union 1918—1935: Ph. D. Thesis / Western Reserve University. Cleveland (OH), 1961.

References

- Alekseeva, L. (1984) *Istoriia inakomyслиia v SSSR. Noveishii period* [History of Dissent in the USSR. Recent period], Benson, Vermont: Khronika Press.
- Chui'kina, S. (1996) *Uchastie zhenshchin v dissidentskom dvizhenii (1956—1986)* [Women's participation in the Dissident Movement (1956—1986)], in: *Gendernoe izmerenie sotsial'noi i politicheskoi aktivnosti v perekhodnyi period*, St. Petersburg, pp. 61—81.
- Dmitrievskii, I. D. (1910) *Piatidesiatiletie vysochaishhe utverzhdennogo Obshchestva dostavleniia deshëvykh kvartir, 1859—1909* [Fiftieth anniversary of the most highly approved Society for the delivery of cheap apartments, 1859—1909], St. Petersburg.

- Dubinina, N. I. (1981) Pobeda Velikogo Oktiabria i pervye meropriiatiia partii v reshenii zhenskogo voprosa [The victory of the Great October and the first events of the party in solving the women's issue], in: *Opyt KPSS v reshenii zhenskogo voprosa*, Moscow: Mysl', pp. 14—34.
- Dvenadtsatyĭ s'ezd RKP(b), 17—25 apreliia 1923 goda: Stenograficheskiĭ otchët* (1968) [The Twelfth Congress of the RCP(b), April, 17—25, 1923: Verbatim report], Moscow: Politizdat.
- Filosofova, A. P. (1873) *Zaiavlenie predsedatel'nitsy "Obshchestva дешёвых kvartir"* [Statement of the chairwoman of the "Society of Cheap Apartments"], St. Petersburg.
- Frasse, Zh., Perro, M. (2015) Velikoe predpriiatie feminizma [Great feminism initiative], in: *Istoriia zhenshchin na Zapade*, vol. 4: Vozniknovenie feminizma, St. Petersburg: Aleteĭia, pp. 423—425.
- Galkina, G. N. (2013) *Komitët sovetskikh zhenshchin: Stranitsy istorii (1941—1992)* [Committee of Soviet Women: Pages of history (1941—1992)], Moscow: Izdatel'skiĭ dom Tonchu.
- Gapova, E. I. (2009) Itogi s'ezda: eshchë raz o klassovom voprose postsovetskogo feminizma [The results of the congress: once again about the class issue of Post-Soviet feminism], *Zhurnal issledovaniĭ sotsial'noi politiki*, vol. 7, no. 4, pp. 465—484.
- Guterrish, A. (2020) Gendernyi disbalans vo vlastnykh polnomochiiakh [Gender power imbalance], *Nezavisimaia gazeta*, 2 marta.
- Iukina, I. I. (2001) "Novye zhenshchiny": motivy uchastiia v zhenskom dvizhenii ["New women": motives for participation in the women's movement], in: *Rossiiskie zhenshchiny i evropeiskaia kul'tura*, St. Petersburg: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo, pp. 118—126.
- Kharitonova, S. B. (2007) Sozdanie spetsial'nogo apparata dlia raboty sredi zhenskogo naseleniia v 1920—1930-e gody: (Regional'nyi opyt) [Creation of a special apparatus for working among the female population in the 1920s and 1930s: (Regional experience)], *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, no. 3, pp. 70—79.
- Khasbulatova, O. A. (2017) Zhenskoe dvizhenie v Rossii kak faktor sotsial'nogo progressa (1900—1917 gg.) [Women's movement in Russia as a factor of social progress (1900—1917)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 5—14.
- Khasbulatova, O. A. (2019) Zhenskoe dvizhenie v sovremennoi Rossii [Women's movement in modern Russia], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 14—26.
- Khasbulatova, O. A., Gafizova, N. B. (2003) *Zhenskoe dvizhenie v Rossii (vtoraia polovina XIX — nachalo XX v.)* [Women's movement in Russia (second half of the XIX — beginning of the XX c.)], Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet.
- Khasbulatova, O. A., Pravkina, I. A. (1997) Traditsii zhenskogo dvizheniia v Rossii: istoriia i sovremennost' [Traditions of the women's movement in Russia: history and modernity], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 14—22.
- Kon, I. S., Zherebkina, I. A., Pushkareva, N. L., Temkina, A. A., Krips, G. (2000) Problemy i perspektivy razvitiia gendernykh issledovaniĭ v byvshem SSSR [Problems and prospects of development of gender studies in the former USSR], in: *Gendernye issledovaniia*, no. 5, pp. 8—43.
- Kurskovskaia, E. I. (1981) *Komitët sovetskikh zhenshchin* [Committee of Soviet women], Moscow: Novosti.
- Lakhova, E. F. (1998) *Zhenskoe dvizhenie v gody reform: problemy i perspektivy* [Women's movement in the years of reform: problems and prospects], Moscow: Informatik.
- Lindenmeyr, A. (1993) Public life, private virtues: women in Russian Charity, 1762—1914, *Signs*, Spring, pp. 562—592.

- Mel'nikova, T. A. (1999) *Zhenskoe dvizhenie Rossii v politicheskikh protsessakh sovremenno obshchestva* [The Russian women's movement in the political processes of modern society], Moscow: SIMS.
- Paperno, I. (1996) *Nikolaï Chernyshevskii — chelovek èpokhi realizma* [Nikolai Chernyshevsky — a man of the era of realism], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Pushkareva, I. M., Pushkareva, N. L. (2020) Stanovlenie zhenskogo politicheskogo dvizheniia v Rossii (1891—1914 gg.) [The formation of the women's political movement in Russia (1891—1914)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 114—128.
- Pushkareva, N. L. (1998) Tsennostnye orientatsii russkikh v doindustrial'nuu èpokhu: (Na primere obraza ideal'noï suprugii) [Value orientations of Russians in the Pre-industrial era: (By the example of the image of the ideal spouse)], in: *Zhenshchiny i obshchestvo: voprosy teorii, metodologii i sotsial'nykh issledovaniï*, Izhevsk: Izhevskii gosudarstvennyi universitet, pp. 3—8.
- Semiderkin, N. A. (1982) Vvedenie grazhdanskogo braka v Rossii [Introduction of civil marriage in Russia], *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta*, seriia 11, Pravo, no. 1, pp. 3—7.
- Shakhmatova, N. A. (1912) *Chto takoe feminizm?: Referat, chitannyï 17 marta 1912 goda v Moskovskom otdelenii Rossiiskoi ligi ravnopraviiia zhenshchin* [What is feminism?: Abstract, read on March 17, 1912 in the Moscow branch of the Russian League of Women's Equality], Moscow.
- Stites, R. (1978) *Women's Liberation's Movement in Russia: Feminism, Nihilism, and Bolshevism, 1860—1930*, Princeton: Princeton University Press.
- Stravakis, B. (1961) *Women and the Communist Party in the Soviet Union 1918—1935*: Ph. D. Thesis, Western Reserve University, Cleveland, OH.
- Velikaia, N. M., Ovcharova, O. G. (2019) Feminizm v informatsionnom prostranstve sovremennoi Rossii: paradoksy gendernogo diskursa [Feminism in the information space of modern Russia: paradoxes of gender discourse], in: *Gendernye otnosheniia v sovremennom mire: upravlenie, ekonomika, sotsial'naiia politika*, Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, pp. 25—32.
- Voronina, O. A. (2008) S'ezd vsekh s'est [The congress will eat everyone], *Gendernye issledovaniia*, no. 18, pp. 349—356.
- Zhenskie nepravitel'stvennye organizatsii Rossii i SNG: Spravochnik* (1998) [Women's non-Governmental organizations in Russia and the CIS: Directory], Moscow: Èslan.
- Zherebkina, I. A. (2003) *Gendernye 90-e, ili Fallosa ne sushchestvuet* [Gender 90's, or the Phallus does not exist], St. Petersburg: Aleteïia.

Статья поступила 08.11.2020 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Пушкарева Наталья Львовна — доктор исторических наук, профессор, заведующая сектором этногендерных исследований, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, г. Москва, Россия, pushkarev@mail.ru (Dr. Sc. (History), Professor, Head of Women and Gender Studies Department, N. N. Mikluho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Пушкарева Ирина Михайловна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории РАН, г. Москва, Россия, pushkarev@mail.ru (Dr. Sc. (History), Professor, Leading Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).